

Фофанов Константин Михайлович

**Стихотворения К. М.
Фофанова**

Части 1-4

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
К65

К65 **Константин Михайлович Ф.**
Стихотворения К. М. Фофанова: Части 1-4 / Фофанов Константин Михайлович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 366 с.

ISBN 978-5-521-28584-6

Стихотворения К.М. Фофанова. Части 1-4: Майский шум, Маленькие поэмы, Снегурка, Этюды в рифмах

ISBN 978-5-521-28584-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Я проклиналъ свой путь небесный
И къ ней, какъ небо, безтѣлесный, —
 Я бѣгъ свой устремилъ.
И лишь къ землѣ, къ желанной цѣли,
 Приблизился едва, —
Она — въ гробу, какъ въ колыбели,
 Покоилась, — мертва!..

Надъ ней, красавицей, вздыхали
 И набожной рукой
На гробъ ея цвѣты срывали,
И волны пѣли мнѣ въ печали:
 Ты былъ — ея звѣздой!
— Ахъ, мой король, задулъ я очи, —
 Въ ней сердце погасилъ...
Зачѣмъ я былъ звѣздою ночи,
 Зачѣмъ ее любилъ!..

Вотъ почему я грустенъ нынѣ,
 Я былъ ея звѣздой
Въ ночной, лазоревой пустынѣ!
И лишь упалъ къ своей богинѣ —
 Остылъ въ ней жизни зной!
Грусть въ небесахъ, какъ звѣзды, бродить,
А на землѣ грустнѣй...
— Не плачь, мой пажъ, звѣзда восходитъ,
 Звѣзда любви твоей!..

1892 г.

РЕВНИВЫЙ МУЖЪ.

(Народная былина).

Не заря съ зарей сходилася,
Синимъ моремъ заглядысь:
На красавицъ-боярышнѣ
• Молодой женился князь.

Да не долго съ нею нѣжился,
Въ очи ясныя глядѣль;
Промѣнялъ онъ ложе брачное
На колчаны вражыхъ стрѣль.

Подступила къ стогнамъ кievскимъ
Печенѣжская орда, —
И поѣхалъ князь на врага —
Тратить силы и года.

Бьется долго ли, коротко ли, —
Возвращается домой;
Растерялъ дружину вѣрную,
Въ мылѣ конь его лихой.

Повстрѣчались двѣ странницы,
Молвятъ: «здравствуй, славный князь,
Ты къ княгинѣ-безприданницѣ
Поѣзжай не торопясь.

«Тамъ не много встрѣтишь радости;
Мы изъ терема сейчасъ...
Въ честь твоей ли, княже, младости
Меды пили тамъ не разъ?

«Ты оставилъ много золота,
Много всякаго добра, —
Да въ недобрый часъ случилось
Ѣхать князю со двора.

«Изъ подваловъ клады цѣнныя,
Изъ конюшенъ кони всѣ,
Утекли — куда невѣдомо,
Словно грезы по росѣ.

«Свѣтъ-княгиня платья красныя
Износила безъ тебя;
Жарче солнца разгоралася
Друга новаго любя»!

Князь нахмурилъ брови черныя,
Шлемъ надвинулъ на глаза:
То не волны разшумѣлися —
Въ сердцѣ вспыхнула гроза.

Онъ быстрѣ вѣтра буйнаго
Въ теремъ княжескій идетъ,

И затворы samodѣльные
Размыкаетъ у воротъ.

Спать покои сномъ таинственнымъ;
Только грустная луна
Смотритъ въ окна, какъ преступница
Уличенная, блѣдная.

Входитъ князь во дверь дубовую,
По царьградскому коври
Въ спальню, къ пологу желанному,
Къ заповѣдному одру.

Крѣпко спитъ княгиня юная,
Въ грезахъ дышетъ горячо;
Точно змѣи косы черныя
Упадаютъ на плечо.

Славный князь глядитъ — нахмурился,
Въ сердцѣ холодъ и тоска
И взялась за мечъ воинственный
Задрожавшая рука.●

Онъ глядитъ и думу думаетъ,
Злобу темную тая;
«Ты ждала-ль меня, измѣнница,
Подколотная змѣя?

«Наложу печать я мертвую
На горячія уста,
Поблѣднѣешь ты, румяная,
Какъ вѣнчальная фата»!

И на шею лебединую
Тяжко рухнулъ княжій мечъ, —
И — не бѣлая жемчужина —
Голова упала съ плечъ!..

А красавица княгинюшка
Честъ, какъ схимница, блюла, —
Все ждала супруга милаго,
Все до нитки сберегла.

Въ кладовыхъ лежитъ нетронутымъ
Все хозяйское добро;
Въ бочкахъ пиво, меды крѣпкіе,
Жемчуга и серебро.

Красны платья не изношены,
Утварь звонкая цѣла
И шелками скатерть вышита
Для дубоваго стола.

Спать покои сномъ таинственнымъ,
Только тихая луна
Свѣтитъ въ окна, какъ покойница
Неподвижная, блѣдна.

Грустно князю одинокому,
Ретивое жжетъ укоръ, —
Онъ коня сѣдлаетъ быстрого
Выѣзжаетъ на просторъ.

Выѣзжаетъ въ поле чистое,
Пышетъ жизнью вольный конь,

А у князя взоръ туманится,
Душу высушилъ огонь.

То не призраки холодные,
Не туманы отъ земли,—
Двѣ навѣтчицы, двѣ странницы
Показались вдали...

— Стойте, лютые разлучницы,
Здѣсь уснете вы на вѣкъ!—
Молвилъ князь—и вѣщимъ странницамъ
Гнѣвно головы отсѣкъ...

1892 г.

ВЕСЕННЯЯ ПОЭМА.

I.

Когда они сошлись, ей было двадцать три,
Ему семнадцать лѣтъ; расшпиливъ темный локонъ
И тканями гардинъ завѣсивъ стекла оконъ,
Она дѣлила съ нимъ восторги до зари.
Ей нравилось въ немъ неловкое смущенье,
Наивность важная и первая томленья
И слезы ревности въ потупленныхъ очахъ,
Когда она друзей, смѣясь, именovala
И медленной рукой альбомъ перебирала,
Гдѣ лица строгія во фракахъ, въ орденахъ
Таились: все дѣльцы, артисты и вельможи,
Иные лысые, въ задумчивыхъ очкахъ,
Непогрѣшимостью на схимниковъ похожи.

А онъ въ ней все любилъ; все нравилось въ ней, нѣжной,
Порой мечтательной, капризной иль небрежной:
Ея язвительный и скромный разговоръ;
Душистый будуаръ, ковры и занавѣски

И вазъ затѣйливыхъ расписанный фарфоръ
Восточной прихотью въ цвѣтныя арабески,
И нравилось ему, что, скрытая отъ всѣхъ,
Ихъ страсть была полнѣй въ таинственномъ романѣ,
Что нѣгою звучалъ ея картавый смѣхъ,
Что имя у нея ласкательное — Фанни.
Какъ часто проводилъ, бывало, съ ней вдвоемъ
Онъ, юный, влюбчивый, зимою вечеръ длинный
И было все полно въ мерцающей гостинной
Ея присутствіемъ, какъ тихимъ божествомъ.
Порой ея черты мгновенная тоска
Темнила — прошлое-ль вставало изъ тумана?
Она, смотря въ каминъ, молчала — и слегка
Какъ спугнутымъ крыломъ смущенная рука
Играла вѣеромъ съ рѣшоткою экрана.
И, вдругъ согнавъ съ чела какъ облака печаль,
Садилась весело за томную рояль;
Онъ подымалъ пюпитръ, спѣшилъ раскрыть ей ноты,
Накинуть на плечи обретенную шаль.
И вотъ мелодія, исполнена дремоты,
Сперва едва слышна, какъ тайная печаль,
Потомъ она журчитъ, рыдаетъ и трепещетъ,
Какъ въ наслажденіи изнывшая любовь,
И снова чуть звенить и разгораясь плещетъ
И тихой жалобой вдали смолкаетъ вновь.

II.

А утромъ снова былъ онъ въ корпусѣ счастливый,
Съ улыбкой тихою на розовыхъ устахъ,
Съ горячей блѣдностью въ взволнованныхъ щекахъ,
Въ движеніяхъ медленный, какъ-лѣнь неторопливый,

И какъ онъ былъ хорошъ, влюбленное дитя,
Когда, склонивъ чело, угрюмо сдвинувъ брови,
Забывши свой урокъ, смолкалъ на полусловѣ,
Рѣсницы темныя какъ дѣва опустя.
Наставникъ хохоталъ, тряслися аксельбанты.
«Должно быть съ барышней вчера играли въ фанты»,
Онъ говорилъ, смѣясь, и, потрепавъ шутя
За робкое плечо, онъ прибавлялъ: «довольно!»
Но, добродушіемъ смущенный старика,
Виновный юноша краснѣлъ до слезъ невольно
И горечь слезъ глоталъ, стыдась духовъ платка.

III.

Расцвѣлъ зеленый май. Онъ ѣхалъ вмѣстѣ съ ней
Въ плетеномъ тюльбэри. Душистый сумракъ парка
Пронизанъ былъ вокругъ томительно и ярко
Прозрачнымъ золотомъ полуденныхъ лучей.
Впервые жизнь весны ему казалось полной.
Любовью свѣтлою, надеждами богатъ,
Онъ міръ благословлялъ и зелени былъ радъ.
Онъ ей въ лицо глядѣлъ, счастливый и безмолвный.
Какъ удочка, поникъ склоненный хлыстъ
Въ ея рукѣ, обтянутой перчаткой,—
Порой, съ вѣтвей какъ бы склонясь украдкой,
Ея щеки касался свѣжій листь.
Вдругъ на одномъ изъ поворотовъ сада
Раздался топотъ,—мчалась кавалькада,
Вздывая пыль,—и стройный бѣгъ коней
Перебивалъ звучащій говоръ звонко
И рѣзвый смѣхъ: то мчались въ глубь аллеи

Три всадника и съ ними амазонка.
Одинъ изъ нихъ, учтиво приподнявъ
Лоснящійся цилиндръ, смѣялся Фанни взглядомъ
И, удержавъ коня, поѣхалъ съ нею рядомъ.
— Ахъ, Боже мой, вы здѣсь — опять въ Россіи, графъ,
Смущенно просіявъ она ему сказала...
А графъ на юношу прищурился сначала,
Потомъ, въ своей рукѣ держа ея ладонь,
Онъ медленно прижегъ на ней два поцѣлуя.
Межъ тѣмъ подъ сѣдокомъ, волнуясь и танцуя,
Расчесаннымъ хвостомъ махалъ горячій конь.
— Я здѣсь всего три дня — и вновь уѣду скоро, —
И полился родникъ живого разговора,
Парижскаго «козри» изысканный языкъ.
И Фанни, оживясь, какъ птица щебетала,
Ея влюбленный пажъ алѣлъ какъ макъ сначала,
Потомъ онъ поблѣднѣлъ, нахмурился, поникъ
И трепетъ и борьба въ душѣ его тревожной —
Смѣнилася любовь тоской ревнивыхъ думъ.
Какой онъ сталъ смѣшной, какой онъ сталъ ничтожный:
Ужъ онъ не другъ ея — онъ только жалкій грумъ!
Графъ обѣщалъ бывать у Фанни на обѣдахъ
И вечеръ проводить попрежнему въ бесѣдахъ;
Припомнить старину, забытую въ пять лѣтъ,
А юный пажъ ея молчалъ, чело нахмура,
Отъ ревности блѣднѣй, чѣмъ лилій вешній цвѣтъ,
Темнѣе, чѣмъ волна, когда кипитъ въ ней буря,
Онъ молча хоронилъ въ душѣ своей упрекъ,
Онъ ревности своей робѣлъ, какъ первой ласки,
А Фанни дѣлала привѣтливые глазки
И юношу влекла въ свой лѣтній уголокъ,